

УДК 903.53 (571.1)

ББК 63.48(253.3)-41

К вопросу о территории обнаружения предметов из Сибирской коллекции Петра I*

Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

On the Issue of the Territory Where Items from Peter I Siberian Collection Were Found

Ya.V. Frolov

Altai State University (Barnaul, Russia)

На сегодняшний день существуют две наиболее обоснованных гипотезы о районах происхождения предметов из Сибирской коллекции Петра I. Исследователи рассматривают две основные территории действий «бугровщиков» по ограблению курганов в период формирования коллекции. Один из этих регионов — лесостепные районы Тоболо-Иртышья. Другим регионом является юго-западная часть Обь-Иртышского междуречья.

Сведения о присоединении территорий Северного Казахстана, Кулунды и Верхнего Приобья к Российскому государству в начале XVIII в. позволяют утверждать, что основная часть предметов Сибирской коллекции Петра I, собранная в 1715–1716 гг., происходит из районов юга Обь-Иртышского междуречья. Курганы из районов Тоболо-Иртышья были разграблены бугровщиками в конце XVII — первые годы XVIII в. Новые возможности продвинуться в степные районы юга Обь-Иртышского междуречья у бугровщиков возникли в ходе военных походов И.Д. Бухгольца в 1715 г. и Ф. Матигорова 1716 г., продвинувшихся в Прииртышье до оз. Ямышево.

Наличие большого числа курганов элиты общества поздней древности и Средневековья, а также аналогии предметам Сибирской коллекции из раскопок «царских» курганов на юге Обь-Иртышья подтверждают мнение М.И. Артамонова, С.И. Руденко и М.П. Грязнова о происхождении основной части Сибирской коллекции Петра I с этой территории.

Ключевые слова: Сибирская коллекция Петра I, Обь-Иртышское междуречье, курганные могильники, ранний железный век.

DOI 10.14258/izvasu(2019)5-17

There are two most reasonable hypotheses about the areas of origin of items from the Siberian collection of Peter I nowadays. Researchers consider two main areas where so-called «bugrovshchiks» (burial mounds raiders) looted kurgans in the period of forming the collection. One of those regions is the forest-steppe regions of the Tobol-Irtysh rivers. The other is the southwestern part of the Ob-Irtysh interfluve.

Information on joining the territories of the Northern Kazakhstan, Kulunda and the Upper Ob river regions to the Russian state in the early 18th century suggests that the main part of the objects from Peter I Siberian collection gathered in 1715–1716 originates from the southern Ob-Irtysh interfluve. Burial mounds in the Tobol-Irtysh area were robbed by «bugrovshchiks» in late 17th — first years of the 18th centuries. They received new opportunities to come to the steppe regions of the southern Ob-Irtysh interfluve during the military campaigns of I.D. Buchholz (1715) and F. Matigorov (1716) who advanced into the Irtysh river area up to Yamyshevo Lake.

The presence of a large number of burial mounds of the elite in the society of late antiquity and the Middle Ages, as well as similar items of the Siberian collection from the excavations of the «Tsar» burial mounds in the South of the Ob-Irtysh region confirm the opinion by M.I. Artamonov, S.I. Rudenko and M.P. Gryaznov, that the main part of the Siberian collection of Peter I originates from that area.

Key words: Peter I Siberian collection, Ob-Irtysh interfluve, burial mounds, Early Iron Age.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-49-220006.

Сибирская коллекция Петра I — одно из уникальнейших собраний предметов искусства скифо-сибирского звериного стиля, добытых бугровщиками в начале XVIII в. Вопросы происхождения коллекции и прежде всего территория обнаружения предметов (район промыслов бугровщиков) до сих пор вызывает дискуссии у исследователей, занимающихся данной проблематикой.

В настоящее время существует две основных версии происхождения предметов. Первая точка зрения, наиболее ранняя, высказана М.И. Артамоновым, С.И. Руденко, М.П. Грязновым и другими исследователями [1, с. 125; 2, с. 12; 3, с. 8]. Она представляет основным районом раскопок бугровщиками курганов, находки из которых составили основу Сибирской коллекции Петра I, территорию юга Обь-Иртышского междуречья (районы Верхнего Приобья, Кулунды и Павлодарского Прииртышья). Вторая версия происхождения коллекции была выдвинута А.В. Матвеевым, Н.П. Матвеевой и рядом других исследователей в 1990-х гг. [4, с. 86; 5, с. 40–41; 6, с. 168]. Эти авторы рассматривают в качестве основной территории происхождения коллекции ареал распространения саргатской культуры — лесостепные районы Тоболо-Иртышья (районы Тюменского, Омского, Павлодарского Прииртышья, Притоболье и Приишимье). Появление второй версии связано с раскопками в конце XX в. крупных саргатских некрополей, находки из которых сходны с отдельными предметами Сибирской коллекции Петра I и собрания Н.К. Витзена [4, с. 86; 5, с. 40–41; 6, с. 168].

Отправной точкой рассуждений о месте обнаружения коллекции являются документы об ее формировании. Эти материалы подробно разобраны в статьях А.А. Спицина и М.П. Завитухиной [1, с. 125; 7, с. 227–248; 8, с. 34–36; 9, с. 63–69; 10, с. 29–31].

А.А. Спицин приводит сведения из труда И.И. Голикова о том, что «бугровые сибирские вещи» преподнес в подарок Екатерине I Акинфий Демидов в 1715 г. Он же предположил, что это могли быть вещи, перекупленные у агентов Н.К. Витзена в 1714 г. [7, с. 230]. М.П. Завитухина отметила, что кроме свидетельства И.И. Головина никаких других данных о подарке А. Демидова нет [9, с. 64].

Более достоверные сведения о формировании коллекции относятся к 1716 г. Первую партию могильного золота сибирский губернатор князь М.П. Гагарин отправил в Санкт-Петербург в январе 1716 г. Вторую часть предметов, самую крупную, явившуюся основой Сибирской коллекции Петра I, М.П. Гагарин собрал к декабрю 1716 г. [7, с. 230; 8, с. 35; 9, с. 67]. Еще одна, третья — небольшая партия была передана с князем М.П. Гагариным в Санкт-Петербург в конце 1717 г. [9, с. 67]. Информации о последующих поступлениях очень мало, есть предположения о передаче некоторых предметов в Сибирскую коллекцию

Петра I после 1719 г. от князя А.М. Черкасского — нового Сибирского губернатора [7, с. 231].

Из перечисленных выше сведений, представленных в документах, для нас интересны два факта, достаточно точно указывающие на хронологические рамки формирования основной части Сибирской коллекции Петра I.

Первая партия, переданная в январе 1716 г. в Санкт-Петербург М.П. Гагариным, была собрана не позднее конца 1715 г., а вторая — с января по декабрь 1716 г. В сопроводительном письме князя М.П. Гагарина, отправленном вместе с «бугровыми вещами», прямо говорится, что предметы были найдены в 1716 г. [7, с. 235]. Исходя из этого можно предположить, что именно в конце 1715 г. и в 1716 г. у князя М.П. Гагарина появляется возможность собрать достаточно крупную партию «бугровых вещей».

Бугровой промысел существовал в Сибири с конца XVII в. В этот период грабили курганы в северной части междуречья рек Оби и Иртыша, Приишимье и Притоболье [4, с. 86; 5, с. 38; 6, с. 164–65; 7, с. 227–228]. Наиболее известными бугровщиками были жители Коркиной слободы — так называемые «ишимцы» [11, с. 25; 12, с. 417–418]. Кроме частной инициативы бугровщиков, иногда сибирские власти выдавали прямые задания по раскопкам курганов служилым людям. Так, в 1702 г. по распоряжению главы Сибирского приказа А. Винуса в устье Исети капитан Федот Матигоров раскопал древний курган [13, с. 174].

В результате деятельности бугровщиков, к началу XVIII в. большая часть Тоболо-Иртышья и севера Обь-Иртышского междуречья до устья Оми — лесостепная зона Западной Сибири, была уже «освоена», наиболее крупные курганы раскопаны [7, с. 229].

В конце XVII в. и первые годы XVIII в. в более южные районы Западной Сибири и Северного Казахстана (в степную зону) бугровщикам продвигаться было опасно. В южной части Обь-Иртышского междуречья кочевали крупные объединения nomadov — телеутов и ойротов, а к западу от Иртыша — группы казахов. На этих территориях периодически происходили военные столкновения кочевников как между собой, так и с русскими отрядами. О достаточно напряженной в военном плане обстановке свидетельствуют набеги на Тюменский, Тарский, Томский, Кузнецкий уезды в конце XVII в. и первое десятилетие XVIII в. [11, с. 24–25; 13, с. 95–99].

Новые возможности по разграблению курганов возникли с продвижением российских рубежей в южную Барabu и современное Новосибирское Приобье в результате строительства Чаусского острога в 1713 г. и Бердского острога в 1715 г. [13, с. 184–185, 187–188].

О том, что центр бугровщичества в эти годы смещается в эти районы, свидетельствуют сооб-

щение Д.Г. Мессершмита [12, с. 417–418]. Судя по его описанию в 1721 г. деятельность бугровщиков была уже хорошо налажена и скоординирована: «...собираются со всех окрестных деревень по 200–300 человек и разбиваются на отряды по местностям...» [12, с. 417]. Центром бугровщичества Д.Г. Мессершмит называет Чаусский острог, основанный «ишимцами» — жителями Коркиной слободы, которые имели богатый опыт по разграблению курганов [12, с. 417, 418].

О размахе бугрового промысла свидетельствуют списки крестьян Кузнецкого уезда, отсутствовавших по месту проживания во время переписи 1719 г. Только из 16 приграничных деревень в Верхнем Приобье в 1719 г. «в степи на бугровании» находились как минимум 98 крестьян [14, л. 11об.–14]. Судя по этому документу, в 1719 г. крестьяне из большинства деревень, располагавшихся в Барнаульском Приобье, были на бугровании. Это такие деревни, как Каменская, Чингисская, Каргополова, Поротникова, Малышева, Нижне-Сузунская, Верх-Сузунская, Мерецкая, Инская, Кармацкая, Повалихинская, Забродина, Дранишникова, Красилова, Усть-Чумышская, а также Белоярская крепость [14, л. 11об.–14]. По-видимому, уже после основания Чаусского острога в 1713 г. началось ограбление древних могильников в его окрестностях и южнее.

Дальнейшее расширение зоны бугрования связано с продвижением российских войск вверх по Иртышу, начавшееся с походом И.Д. Бухгольца в 1715 г. Оно позволило бугровщикам под прикрытием военных проникнуть в южные степные районы Обь-Иртышья. И, вероятнее всего, первая партия Сибирской коллекции Петра I, полученная в конце 1715 г. от М.П. Гагарина, связана с этим событием. Осенью 1715 г. отряд И.Д. Бухгольца смог продвинуться до оз. Ямышево в Павлодарском Прииртышье, где основал Ямышевскую крепость [13, 2015, с. 122–137]. Затем, после военных столкновений с ойратами, весной 1716 г. отряд И.Д. Бухгольца отступил севернее и основал Омскую крепость [13, с. 125, 165–175]. Не исключено, что первая партия Сибирской коллекции Петра I, поступившая в Санкт-Петербург от М.П. Гагарина в январе 1716 г., происходит из Прииртышья — районов южнее устья Оми и окрестностей оз. Ямышево и связана с военной экспедицией И.Д. Бухгольца.

В июле 1716 г. отряд под руководством полковника Ф. Матигорова снова продвинулся до оз. Ямышево и частично восстановил Ямышевскую крепость [13, с. 174]. С этими событиями, вполне возможно, связано появление второй группы предметов Сибирской коллекции Петра I, переданной М.П. Гагариным в 1716 г. Обнаружение такой большой партии могильного золота, вероятно, было

обусловлено организованными раскопками курганов. Тем более, что руководитель похода 1716 г. Ф. Матигоров уже имел опыт в этом вопросе и ранее раскапывал древние захоронения [13, с. 174]. В отряд полковника Ф. Матигорова входило 300 военных и 1000 человек, собранных для восстановления Ямышевской крепости [13, с. 174], а также, возможно, для проведения раскопок курганов. Вполне вероятно, что под прикрытием этого отряда и было осуществлено ограбление новых курганов бугровщиками. Из всего вышесказанного следует, что наиболее вероятными районами ограбления курганов в 1716 г. являлись окрестности оз. Ямышево в Павлодарском Прииртышье и районы Кулунды. Так как самая большая партия предметов, составивших Сибирскую коллекцию Петра I, была собрана в 1716 г., то наиболее вероятным районом ее формирования можно считать западную часть юга Обь-Иртышья (Кулунду и сопредельные регионы). Это были еще нетронутые к 1716 г. бугровщиками районы, а более северные территории Обь-Иртышья были разграблены в 1713–1715 гг.

Представление о степени и темпах разграбления сибирских курганов дают более поздние свидетельства Д.Г. Мессершмита (1721 г.), И. Унковского (1722 г.), Г.Д. Миллера (1734 г.) [12, с. 417–418; 15, с. 503; 16, с. 155–156].

И. Унковский, проезжая по территории Павлодарского Прииртышья в 1722 г., через 6 лет после времени сбора основной части Сибирской коллекции Петра I, отмечал, что множество курганов к югу от Ямышевской крепости были к тому времени уже разграблены. По всей видимости, И. Унковский видел «царские» курганы Семиярско-Кривинского археологического микрорайона (см. рис.-108–113), располагающиеся сразу после урочища Долонкарагай (с. Долон), которое он проехал на пути из Семипалатинской в Ямышевскую крепость [16, с. 155–156]. О быстром «истощении» районов бугрования в Тоболо-Иртышье писал А.А. Спицин [7, с. 229].

Действительно, крупных курганов элиты в лесостепных районах Западной Сибири, на юге Обь-Иртышского междуречья, немного, раскопать их организовано можно было достаточно быстро. Вероятнее всего, «бугровщики», приходя на новые территории, грабили самые крупные курганы. Вне всякого сомнения, предметы Сибирской коллекции Петра I происходят из курганов элиты общества раннего железа и Средневековья. Если обратиться к карте-схеме распространения крупных курганов (диаметром более 35 м) на юге Обь-Иртышья (в границах Алтайского края и Павлодарской области), то можно с большой долей уверенности выделить зоны скопления некрополей элиты эпохи поздней древности и Средневековья, и это прежде всего

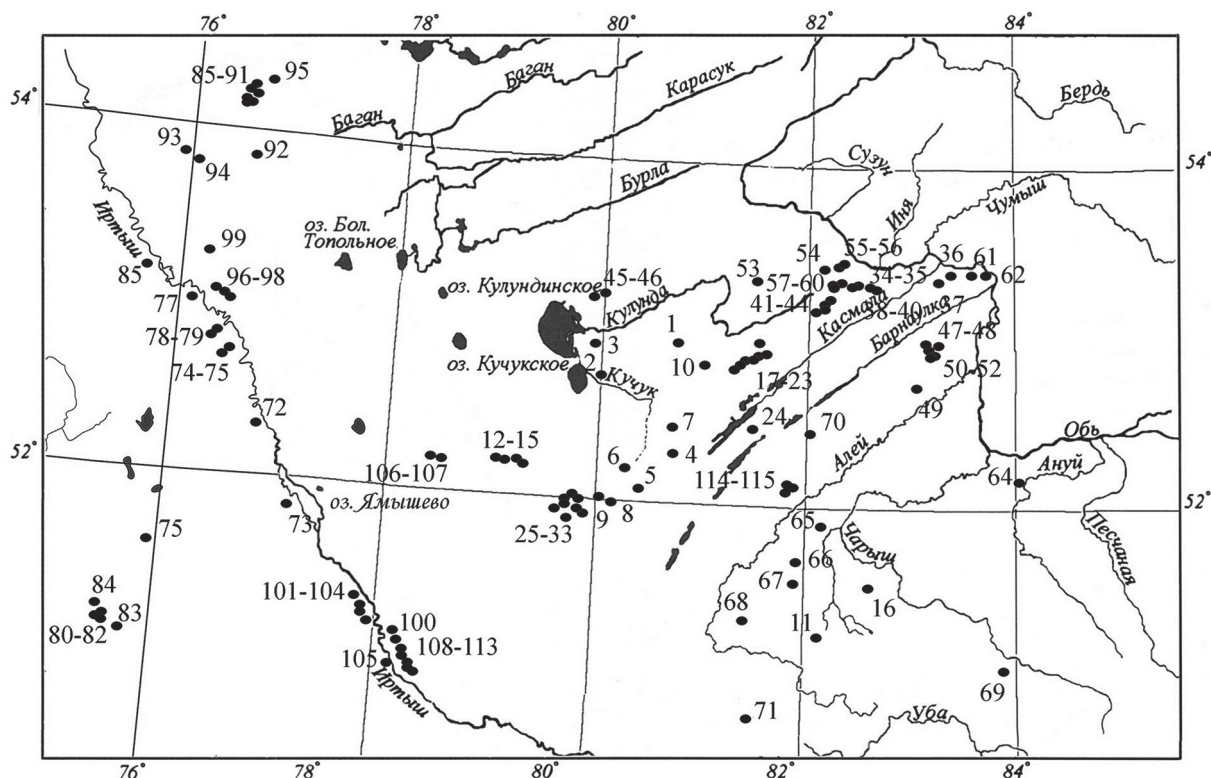

Схема расположения могильников, включающих крупные курганы (диаметром более 35 м), в границах Алтайского края, Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей Республики Казахстан:

- 1 — Ситниково II; 2 — Нижний Кучук I; 3 — Георгиевка III; 4 — Вострово I; 5 — Волчиха I; 6 — Пятков Лог I;
- 7 — Солоновка I; 8 — Усть-Волчиха V; 9 — Усть-Волчиха VI; 10 — Курган; 11 — Саввушка IV; 12 — Ключи;
- 13 — Ключи III; 14 — Васильчуки III; 15 — Васильчуки V; 16 — Семеновка I; 17 — Вознесенское II; 18 — Вознесенское III;
- 19 — Ермачиха I; 20 — Курган I; 21 — Курган II; 22 — Первомайское I; 23 — Первомайское II; 24 — Черная Курья XI;
- 25 — Михайловский I; 26 — Михайловский VI; 27 — Ракиты I; 28 — Николаевка I; 29 — Николаевка II; 30 — Ракиты IV;
- 31 — Назаровка V; 32 — Назаровка VI; 33 — Назаровка VII; 34 — Зотов Бугор I; 35 — Зотов Бугор II;
- 36 — Мельничихин Лог III; 37 — Озерный I; 38 — Рогозиха I; 39 — Рогозиха II; 40 — Рогозиха III; 41 — Боровлянка I;
- 42 — Боровлянка II; 43 — Боровлянка III; 44 — Куличиха II; 45 — Нижняя Суетка IV; 46 — Осиновский I;
- 47 — Белояровка I; 48 — Комариха I; 49 — Колпаково; 50 — Малиновка I; 51 — Малиновка II; 52 — Топчиха I;
- 53 — Новороссийский I; 54 — Ивановка I; 55 — Ильинка II; 56 — Ильинка III; 57 — Шелаболиха IV;
- 58 — Шелаболиха V; 59 — Шелаболиха VI; 60 — Шелаболиха VII; 61 — Березовка I; 62 — Березовка II;
- 63 — Казенная Заимка I; 64 — Орлы; 65 — Калмыцкие Мысы VIII, одиночный курган; 66 — 12 лет Октября;
- 67 — Плахино II; 68 — Бугры; 69 — Урочище Бальчикова III; 70 — Обьездное I; 71 — Кондратьевка IX (Золотарь);
- 72 — Жолкудык I; 73 — Курколь; 74 — Сарышиганак; 75 — Суатколь; 76 — Курган с "усаами" Майкайын;
- 77 — Алга; 78 — Караоба I; 79 — Караоба II; 80 — Буркитты V; 81 — Буркитты VII; 82 — Буркитты X;
- 83 — Егендыбулак I; 84 — Жанажол IV; 85 — Октябрь; 86 — Золотая Грива; 87 — Матвеево I; 88 — Матвеево II;
- 89 — Матвеево III; 90 — Темирбайсор II; 91 — Тыктымбай I; 92 — Кызылтуз I; 93 — Балкашор; 94 — Маркатай;
- 95 — Новая деревня I; 96 — Байконыс V; 97 — Иирсор III; 98 — Иирсор II; 99 — Конторка; 100 — Абдрахман;
- 101 — Жумыскер; 102 — Таспеке; 103 — Кентубек; 104 — Жанасарай; 105 — Майское V; 106 — Жанауыл;
- 107 — Жанауыл II; 108-113 — Курганные могильники Семиарско-Кривинского археологического;
- 114-115 — Хлопуново I-III

территории Кулунды и левобережья Оби (рис). Несколько меньше их в Павлодарском Прииртышье, Барабе и Омском Прииртышье. Именно эти курганы и стали основным «полем» деятельности бугровщиков в 1715–1716 гг.

В курганах юга Обь-Иртышского междуречья, так же, как и в захоронениях элиты саргатской культуры в Тоболо-Иртышье, найдены предметы, аналогичные изделиям из состава Сибирской коллекции

Петра I. Наиболее яркими предметами, сопоставимыми с изделиями из Сибирской коллекции, являются навершие гривны в виде головы львиноголового грифона из «царского» кургана могильника Михайловский VI и серьга из Елуинского курганного могильника II [17, с. 11; 18, рис. 11-1; 19, рис. 1-1]. Аналогии из Сибирской коллекции имеет серьга-лунница (калачиковидная серьга) из памятника Урлапово, хранящаяся в Алтайском государствен-

ном краеведческом музее (ОФ 12470/18). Сходные с материалами из Сибирской коллекции вещи обнаружены при раскопках курганов элиты на могильнике Бугры [20, рис. 3–4].

Таким образом, при прочих равных условиях (наличие большого количества «царских» курганов, аналогий украшений из погребений элиты раннего железного века), исторические реалии начала XVIII в. свидетельствуют в пользу гипотезы М.И. Артамонова, С.И. Руденко и М.П. Грязнова

о происхождении основной части Сибирской коллекции Петра I с территории юга Обь-Иртышского междуречья [1, с. 125; 2, с. 12; 3, с. 8].

Зоной сборов основной части Сибирской коллекции Петра I была территория Павлодарского Прииртышья и Кулунды. Появление возможности промысла бугровщиков в этом районе связано с продвижением российских отрядов вверх по Иртышу 1715–1716 гг. в Павлодарское Прииртышье.

Библиографический список

1. Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973
2. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962.
3. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
4. Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Будет ли решена загадка «плющенного золота» сибирских «бугров»? // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.
5. Матвеев А.В., Маслякова Н.Н. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения Сибирской коллекции Петра I // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск, 1991.
6. Матвеев А.В. Известия о «бугровании» в Западной Сибири и проблема происхождения сибирской коллекции Петра I // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992.
7. Спицин А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1906, Т. 8, вып. 1.
8. Завитухина М.П. Об одном архивном документе по истории Сибирской коллекции Петра I // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIX. Л., 1974.
9. Завитухина М.П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977.
10. Завитухина М.П. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей. // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 1999. Вып. 34.
11. Жук А.В. Бугровщики «степи калмыцкой» в конце XVII — начале XVIII веков // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск, 1993. Ч. I.
12. Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.
13. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул, 2015.
14. Государственный архив Алтайского края Ф.Р-1765. Оп. 1. Д. 72.
15. Миллер Г.Ф. О памятниках древности татарской, найденных в могильных холмах близ Абаканского и Саянского острогов // Миллер Г.Ф. История Сибири. М, 1999. Т. 1.
16. Унковский И. Посольство к зюнгарскому хунтайджи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 гг. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1887. Т. 10, вып. 2.
17. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008.
18. Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998.
19. Фролов Я.В., Чекрѣжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана I могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999.
20. Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae. Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2012.